

УДК 81-25

ВДОХ/ВЗДОХ КАК ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭЛЕМЕНТ: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ

Валерия Игоревна Мишина

студент департамента филологии

НИУ «Высшая школа экономики» – Санкт-Петербург

190068, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова 123. vel.mishina@gmail.com

В работе рассматривается вдох/вздох как паралингвистический элемент устной речи, порождаемой в рамках различных речевых сценариев. Анализ корпусного материала показал, что тенденции функционирования этого неречевого элемента зависят от коммуникативной ситуации: преимущественно навигация в пересказах разного типа и преимущественно рефлексия в свободных монологах-рассказах на заданную тему. Кроме того, в работе высказывается предположение, что вдох/вздох можно рассматривать как индивидуальную характеристику речи, а также формулируется гипотеза о влиянии уровня речевой компетенции информанта на употребление этого неречевого элемента, а именно склонности людей, профессионально связанных с речью, вздыхать реже.

Ключевые слова: паралингвистический элемент; супрасегментная единица; свободный монолог-рассказ; пересказ; описание изображения; уровень речевой компетенции говорящего.

Введение

Устная речь (УР), динамичная,okkaзиональная и фактически нерегламентированная, значительно отличается от письменной. Особое внимание лингвистов привлекают «речеорганизующие» единицы УР, например, различные паралингвистические элементы (ПЭ) – невербальные компоненты высказывания [Андреева 2015: 316]. Они не только отражают физиологическое состояние говорящего, но и выполняют определенные функции в организации дискурса.

В настоящей работе рассматривается вдох/вздох (далее В/В), который в коллоквиалистике описывается как разновидность неречевых элементов устной речи и «сбой» в процессе речепорождения, мешающий непрерывному воспроизведению мысли и затормаживающий высказывание [Богданова-Бегларян, Ваева 2018]. В литературе выделяют несколько прагматических значений В/В: хезитация, навигация по тексту и рефлексия [Богданова-Бегларян 2023: 273].

Однако в устном дискурсе В/В может реализоваться не только как отдельный (сегментный) неречевой элемент, но и как супрасегментный ПЭ, который накладывается на ту или иную звуковую последовательность. Обе эти разновидности В/В рассматриваются в настоящей работе.

Материал исследования

Материалом исследования стали расшифровки различных типов монологов из «Сбалансиро-

ванной аннотированной текстотеки» (САТ) (блок речи медиков): свободные рассказы на заданную тему, описания сюжетного и несюжетного изображения, чтение и пересказы сюжетного и несюжетного текста [Звуковой корпус 2013: 60]. Данный блок включает 150 текстов, записанных от 30 информантов, женщин-медиков, в возрасте 30–49 лет, коренных или постоянных жителей Санкт-Петербурга. Информанты были разделены на 3 группы:

- 1) группа А – врачи-преподаватели (профессиональное отношение к речи, высокий уровень речевой компетенции – УРК);
- 2) группа Б – практикующие врачи, имеющие высшее образование (непрофессиональное отношение к речи, средний УРК);
- 3) группа В – медсестры со средним специальным образованием (непрофессиональное отношение к речи, низкий УРК)

[Богданова-Бегларян, Бродт, 2021].

В пользовательский подкорпус настоящего исследования вошли 20 контекстов, в которых встречается исследуемый неречевой элемент и 21 В/В соответственно, так как в одном из контекстов информант вздыхает дважды.

Вдох/вздох в монологах-пересказах

Больше всего В/В встретилось в пересказах сюжетного и несюжетного текстов, ср.:

- (1) *рыжий кот / каждую ночь / обворовывал хозяев // и / хотели они вы... они только знали / что он*

был / ярко-рыжего цвета // *В и только через неделю они у... увидели что у него разорванное ухо и обрубленный хвост (1-В, пересказ сюж.)¹;

(2) во-от // и / рыбака местного / мальчика / э-э в качестве советчика привели / он притащил рыбу / зас-суну... / прицепил её на леску / и / стал / на эту леску / этого кота / выуживать / из-под дома *В / через некоторое время / это действительно удалось *С (33-В, пересказ сюж.);

(3) и / Лёнька сунул / эту / рыбку в под... / под... / в подвал // вот ко... котёнок этот вцепился / в эту рыбку / <со смехом> и в общем его вытащили из-под / из-под / дома // вот *В // ну / и решили / что / чтобы он таким не был / накормить его до отвала / и-и накормили его / и-и / кот остался довольный (6-В, пересказ сюж.).

В/В в этих контекстах выполняет функцию навигатора, который помогает говорящему структурировать текст, обозначая, в частности, переход от одной микротемы высказывания к другой. В контексте (1) информант вздыхает при переходе от описания внешнего вида кота к дальнейшему сюжету только что прочитанного текста; в контексте (2) – при описании порядка действий/событий (*стал выуживать; это действительно удалось*).

Контекст (3) интересен наличием прагматического маркера *вот* (подчеркнут), который также выступает здесь в функции навигатора, что усиливает навигационную функцию В/В при переходе от одной части текста к другой (подробнее о *вот* как прагматическом маркере русской повседневной речи см. [Прагматические маркеры 2021: 101–102]).

Не стоит, однако, отрицать и хезитационную природу В/В в контексте (1): информант (со средним УРК) испытывает явные сложности, пытаясь вспомнить содержание рассказа, что подчеркивается и наличием таких явлений, как операция полной отмены [Филиппова 2010: 141–146] (*хотели они вы... они только знали*), и обрыв слова (*они у... увидели*). Таким образом, этот В/В можно считать полифункциональным, то есть выполняющим функции хезитатива и навигатора одновременно.

В контексте (4) В/В также полифункционален:

(4) ну советовались друг с другом / как его наказать / значит одни сказали / что выпороть / другие значит / сказали что не поможет / такое / действие наше // и-и / что дальше *С // что было та-ак что там было дальше // про кота // сразу не вспомню // *В то что позвали Лёньку (33-В, пересказ сюж.).

Здесь В/В вновь совмещает функции хезитации и навигации: информант вербализует свои затруднения (*сразу не вспомню, что там было дальше*) и, хезитируя, вздыхает, прежде чем про-

должить высказывание. Кроме того, этот В/В выполняет и функцию навигатора, «отделяя» метакоммуникативное высказывание от собственно пересказа текста.

Следующий контекст (5) интересен тем, что В/В следует сразу же после смеха:

(5) значит / мы не знали / рыжего кота / который / обворовывал нас / уже в течение длительного времени // и вот однажды *С / нам удалось его / увидеть / это был / рыжий кот / (э-э) с-с // обрубленным грязным хвостом // *С *В мы / не знали как его наказать (33-В, пересказ сюж.).

В этом случае исследуемый ПЭ не просто помогает структурировать текст, но и обозначает некое «возобновление» пересказа: что-то заставило женщину отвлечься (вероятно, описание хвоста как *грязного и обрубленного*) и засмеяться, после чего она вздыхает и возвращается к пересказу. Исследуемый неречевой элемент вновь разделяет метакоммуникативную часть высказывания, где говорящий проявляет свое восприятие текста (в данном случае – смеется) и непосредственно пересказ.

Похожим прагматическим значением обладает и В/В в контексте (6):

(6) примет так много / что о них можно написать / книгу / да даже не одну *С книгу // *В и в городе / мы / становимся / как-то далеки от природы / в суете / своих забот / ежедневных / и только может быть / табличка или название улицы нам / напоминает / о / природе / ну например Луговая // Берёзовая // во-от (33-В, пересказ несюж.).

В исходном тексте К. Паустовского «Несколько слов о приметах» открывающая фраза про количество примет звучала как: «Примет так много, что о них можно было бы написать целую книгу». Информант практически цитирует ее, после чего, смеясь, добавляет: *да даже не одну книгу*. Можно предположить, что в этом случае женщина смеется над собственной шуткой (примет так много, что в одну книгу они не поместятся), после чего вздыхает и возвращается к пересказу.

В/В в контекстах (4–6) обозначают переход от метакоммуникативных актов (вербальных или невербальных), к выполнению поставленной речевой задачи.

Таким образом, исследуемый ПЭ, выполняющий функции навигатора, в пересказах текста может обозначать как переход к новой микротеме, как в контекстах (1–3), так и проводить невидимую границу между «внешним», лишь косвенно относящимся к пересказу, но помогающим этот пересказ реализовать (метакоммуникация), и «внутренним» (непосредственно коммуникативная задача, пересказ) как в контекстах (4–5).

Обозначение перехода к новой микротеме пересказа – это достаточно распространенная прагматика В/В в материале настоящего исследования. В следующих контекстах В/В также выполняет эту функцию:

(7) *существует много примет // бывают приметы простые и сложные // но когда человек живёт в городе / приметами как правило он не пользуется // так как рябина заменяет табличка на у... на а-а / э-э / доме // *В часы мы можем узнать время мы можем узнать по радио // прогноз погоды (1-В, пересказ несюж.);*

(8) *если на некоторое время человек уезжает на природу в лес за город / то конечно обостряется и зрение и слух / ну человек просто конечно отдыхает // и *В / по костру / можно определить / э какой будет погода на следующий день // или ветер // по дыму костра / э-э наверно можно по... / э-э подумать какой ветер будет / с какой стороны (31-В, пересказ несюж.).*

В контексте (7) это переход от микротемы *рябина* к микротеме *часы*, а в контексте (8) – от отдыхающего на природе человека к прогнозированию погоды по *костру*.

Однако в пересказах сюжетного и несюжетного текста В/В может выполнять и функции хезитатива, сигнализирующего о поиске той или иной лексической единицы, ср.:

(9) *есть простые есть сложные / приметы / вот сложные приметы это / когда вот вдруг в ясную ночь кажется что как будто / горизонт он / сужается // и наступают *В // как бы безветрие / что ли / безветренные дни (6-В, пересказ несюж.).*

В контексте (9) информант испытывает сложности в поиске слова *безветрие* из исходного текста и вздыхает, прежде чем реализовать эту лексическую единицу. Сложности и неуверенность информанта в правильности высказывания подчеркиваются не только В/В, выполняющим функцию хезитации, но и частицей *что ли*: женщина, хезитируя, находит нужное слово (*безветрие*), но остается не уверена в правильности подобранной единицы и рефлексивует, вербализируя свои сомнения (подчеркнуто) [Богданова-Бегларян 2016: 187]. Колебания информанта отражаются и в том факте, что позже она заменяет слово *безветрие*, найденное ранее, на словосочетание *безветренные дни*, вероятно, более для нее привычное и понятное.

Функционирование супraseгментного В/В в пересказах сюжетного и несюжетного текстов мало отличается от описанного сегментного варианта. Так, В/В, накладывающийся на междометие *ох* в роли навигатора, вновь служит для структурирования монолога и обозначает переход к новой микротеме высказывания (*берёза, человек, живущий в городе*), ср.:

(10) *ну примет так много что о них можно написать целую книгу / если идёшь по городу видишь берёзу / то её обычно заменяет табличка с указанием этой улицы // ох <со *В> // человек значит / живущий в городе мало обращает на приметы происходящие в природе (30-В, пересказ несюж.).*

В контексте (10) стоит обратить внимание на слово *значит*, следующее сразу после супraseгментного В/В. В словаре прагматических маркеров оно описывается, в числе прочего, и как маркер-навигатор [Прагматические маркеры 2021: 186], что еще раз подчеркивает трудности, которые испытывает информант при пересказе несюжетного текста: его речь прерывается, возникает пауза, заполняемая *ох* с супraseгментным В/В, и после этого говорящий обозначает начало нового высказывания, с помощью маркера *значит* продвигая монолог вперед.

В контексте (11) информант вздыхает дважды, и оба раза исследуемый ПЭ накладывается на знаменательные части речи:

(11) *примет очень много на земле // в деревне конечно можно пого... можно узнать по п... приметам / дом / улицы / у нас же в городе конечно / по приметам <со *В> / у нас / заменяют таблички на домах // э-э / в деревьях например можно по... / по красной рябине узнать какая будет / зима // <со *В> и много ещё разных примет существует в природе (31-В, пересказ несюж.).*

Первый В/В, как и в контексте (10), отражает хезитацию говорящего в попытках вспомнить конкретное утверждение из только что прочитанного текста, а именно соотнести *рябину* в деревне и *таблички на домах* в городе. Это подчеркивается как вокализацией (э-э), так и «перестройкой на ходу»: начав говорить, информант не заканчивает высказывание, а останавливается и изменяет его [Филиппова 2010: 139]. Особенно интересен второй В/В в этом высказывании: информант осознает свои сложности в воспроизведении текста (подчеркнуто) и со вздохом переходит к обобщению, сворачивая высказывание: *и много ещё примет существует в природе*.

В контексте (12) супraseгментный В/В, в паре с междометием *ой*, также маркирует хезитацию информанта в попытках вспомнить детали прочитанного текста, ср.:

(12) *и Лёнька при помощи лески вытащил кота / стали его рассматривать / подняли его значит за / шкурку кот оказался рыжий / с белыми подпалинами / тощий / и решили что же с ним делать / выдрать или отпустить или накормить / ну пришли к решению что его надо накормить / накормили его / ой <со вздохом> супом творожниками (30-В, пересказ сюж.).*

Подобная комбинация (*ой <со вздохом>*), впрочем, может носить и эмотивный характер – реакция на набор блюд, которыми накормили кота (*супом творожниками*).

Количественный анализ этой части материала опроверг гипотезу о хезитации, как о наиболее распространенной функции В/В в пересказах сюжетного и несюжетного текста. Этот коммуникативный сценарий относится к такому типу речевой деятельности, как «неточное воспроизведение» [Лаптева 2001: 24] Предполагалось, что речевая деятельность, направленная на воссоздание чего-то по памяти, требует больше усилий и пауз для раздумья, которые и заполняются той или иной лексемой с супraseгментным В/В. Однако в 60% случаев В/В в проанализированном материале выполнял функцию навигации. Таким образом, можно сделать вывод, что структурирование объемного монолога оказалось для информантов важнее «паузы на раздумья». Стоит также отметить, что наибольшее количество В/В в материале исследования встретилось именно в блоке с пересказами (62%).

Вдох/вздох в монологах-описаниях

С одной стороны, прагматика В/В в описаниях изображений оказалась схожа с ролью этого неречевого элемента в пересказах: В/В в сюжетных описаниях выполняет функцию навигатора, подчеркивающего переход к новой микротеме, и хезитатива, маркирующего поиск необходимой лексической единицы (*конечные новости*), ср.:

- (13) *один толстый лысый / и старый джентльмен пришёл к врачу // я настолько себя плохо чувствую я так устал мне ничего не хочется // вам необходимо отдохнуть // съездите в горы покатайтесь на лыжах у вас всё пройдёт // *В что делать взял лыжи собрал чемоданчик и поехал / в Карпаты* (1-Б, описание сюж.);
- (14) *а ну тут значит тут / э-э это самое // значит // дед // с бабушкой сидят // беседуют / слушают радио / и обсуждают / ой *В конечные новости что по радио говорят значит на следующей картиночке / э-э это самое / значит старичок / смотрит / на / картинку и / э-э хочет тоже/ так же прокатиться // с... с горы* (5-В, описание сюж.).

С другой стороны, можно выявить склонность В/В в несюжетных описаниях совмещать упомянутые ранее функции хезитации и навигации с рефлексией, ср.:

- (15) *на этой картине изображе-но / значит / что там участок леса / ну примерно осенью будем так говорить сентябрь начало сентября // ну если приравнять к нашей жизни тут / липы ну они такие / побитые жизнью можно сравнить с судьбой человека / что человек тоже вот так*

*может разбиться / об свою жизнь // и вот <со *В> / миллион жизней изображён в принципе на этой картине* (30-В, описание несюж.);

- (16) *но здесь ведь так мило / и так / славно тихо и спокойно / что невольно хочется остановиться / посидеть / послушать тишину / и птиц / которые сидят на на ветках // и / и эта гармония / она / помогает человеку восстановиться / и и / э-э то равновесие душевное // и которое необходимо / к-каждому / человеку *В / побывать / в таком заповедном месте каждого должны быть свои уголки* (1-Б, описание несюж.).

Так, в контексте (15) В/В вновь «помогает» говорящему структурировать текст, отделяя одну микротему высказывания от другой. Это, как в контексте (3), подчеркивается и прагматическим маркером *вот* в навигационной функции (см. о нем [Прагматические маркеры 2021: 101–102]). А в контексте (16) В/В отражает хезитацию информанта в поисках лексической единицы для продолжения высказывания и ответа на поставленный ей самой вопрос о том, что же необходимо сделать каждому человеку (*побывать в таком заповедном месте*). В обоих контекстах информанты рассуждают на достаточно «тяжелые» и глубокие темы (подчеркнуто): о душевном равновесии и о гипотетическом человеке, *разбившимся* о свою жизнь, что позволяет почти с полной уверенностью говорить о функции рефлексии для этих В/В, отражающих реакцию говорящих на подобные философские вопросы.

Интересно, что именно несюжетное изображение (репродукция картины И. Шишкина «Старые липы») побуждает информантов переходить на ассоциативную коммуникативную стратегию, сформулированную П.П. Гостевым: «Я описываю собственную реакцию на изображение» [Гостев 2016: 21–23]. Исследователи описывают отвлеченный, связанный с личным опытом и чувствами, вариант решения коммуникативной задачи как самый распространенный для описания несюжетного изображения [Звуковой корпус 2013: 305–306]. Предполагается, что именно тематика картины (природа, старые деревья, заброшенный дом) наталкивает информантов на философские рассуждения, но, безусловно, вопрос специфики выбора направления отвлеченных рассуждений в зависимости от характера предлагаемого изображения заслуживает отдельного исследования.

Вдох/вздох в свободных монологах-рассказах

В/В в роли рефлексива часто встречается и в свободных монологах-рассказах, ср.:

- (17) *а потом надо грибы эти разложить чтобы они вы-исохли / почистить порезать приготовить либо / сушить / либо на а / на-а суп // *В кажется*

ся этим грибам нет конца / на следующий день снова часов в восемь когда все дела сделаны / снова уже идёшь в ле-ес / опять тащишься уже когда солнце заходит / <со *С> опять тащишь от жадности две корзины / ну не... / ну невозможно пройти мимо белых грибов (1-Б, рассказ);

(18) когда видишь / вот эти белые / большие грибы / плотненькие вот они такие боровички вылезли // ой <со *В> / это удовольствие / это конечно большее удовольствие (1-Б, рассказ);

(19) вот / чу-удо даже можно сказать // когда первый раз видишь белый гриб всё трясётся внутри что-то кажется ах вот ах <со *В и *С> / какое-то благоговение (1-Б, рассказ).

В приведенных выдержках из большого монолога информанта 1-Б, свободного рассказа об отпуске, В/В, без сомнений, является реакцией на воспоминания о сборе грибов: в контексте (17) женщина экспрессивно отмечает длительность и трудоемкость процесса их обработки, а также отмечает большой объем работы (кажется этим грибам нет конца), а в контекстах (18) и (19) она экспрессивно обозначает свои чувства именно к белым грибам (большее удовольствие; какое-то благоговение) и явно ностальгирует. Кроме того, рефлексивная природа В/В подчеркивается здесь и лексической единицей, на которую они «накладываются» – эмотивным междометием *ой* и конструкцией с эмотивным междометием *ах вот ах*.

Ярко выраженная тенденция В/В функционировать в монологах-рассказах в функции рефлексива понятна: информанты повествуют о приятной и близкой им теме – об отпуске, соответственно, не испытывают затруднений, пытаются воспроизвести некий текст, а создают свой собственный (по Е.А. Лаптевой, «продуцирование») [Лаптева 2001: 24].

Однако встречаются и случаи, когда информант (как правило, с низким УРК) не так легко справляется с порождением развернутого и полного монолога на заданную тему, ср.:

(20) любые страны / особенно Европа хорошо/ Западная Восточная / очень хорошие там бытовые условия / гиды очень хорошо ведут группу // *В ну что там ещё можно сказать // программа / хорошая / всегда / по всем странам которые я была (30-В, рассказ).

В контексте (20) женщина, хезитируя и «заполняя» эту паузу В/В, сама отмечает, что создание детального текста об отдыхе вызывает у нее некоторые затруднения (ну что там ещё можно сказать). При этом информант использует одну из очень распространенных в спонтанной речи поисковых конструкций – вопросительно-риторическую конструкцию *что ещё?*; ср.: «Среди поисковых метакоммуникативов выделяются те, что выражают рефлексив по поводу поиска сло-

ва (как это сказать, как это называется, как это, как оно, это самое, этот самый и т. д.) (здесь и далее в цитате курсив автора. – В.М.), и те, что направлены на поиск следующей мысли (в основном, что ещё сказать). Данная метакоммуникативная конструкция может иметь 1) развернутый вид (неполное глагольное предложение: *что ещё можно сказать*), 2) полуразвернутый вид (неполное глагольное предложение – а) распространенное и б) нераспространенное): *что ещё сказать* или *что сказать* и 3) краткий вид (неполное предложение с опущенным глаголом, эллипсис: *что ещё*)» [Зайдес 2017: 129] (подробнее о прагматическом маркере *что ещё* см.: [Прагматические маркеры 2021: 423–427]).

Заключение

Проведенный анализ позволяет говорить о разнообразном и достаточно типичном (в зависимости от поставленной коммуникативной задачи) функционировании В/В в устных бытовых монологах. В пересказах, как сюжетных, так и несюжетных, исследуемый неречевой элемент тяготеет к функционированию в роли навигатора (60%); в описаниях изображения в равных долях совмещает все описанные прагматические значения; а в свободных рассказах тяготеет к роли рефлексива (75%). Расширение эмпирической базы исследования позволит подтвердить или опровергнуть выявленные тенденции.

Кроме того, можно предположить, что склонность «вздыхать» в процессе построения спонтанного монолога характерна для конкретной языковой личности, а не для речевых сценариев в целом. Так, из записей 30 информантов в блоке речи медиков В/В встретился только в шести, наиболее часто – в монологах информанта под номером 1-Б.

В процессе анализа материала удалось сделать еще один, наиболее любопытный, вывод. Думается, что В/В склонны употреблять люди со средним или низким УРК, так как в расшифровках информантов, профессионально связанных с речью (группа А, высокий УРК), исследуемый неречевой элемент не встретился ни разу. Такое наблюдение можно объяснить тем, что группа А – это люди, профессионально связанные с речью (например, преподаватели), и подобные коммуникативные задачи вызывают у них меньше сложностей, а соответственно, меньше поводов для «вздоха».

В заключение стоит отметить, что полученные наблюдения важны для моделирования речевого поведения человека в различных прикладных аспектах, включая лингводидактику и совершенствование искусственного интеллекта на базе голосовых помощников или иных формах генерации речи в AI-технологиях.

Примечание

¹ Все примеры в статье атрибутированы с указанием номера информанта (1, 2, 3...) и уровня его речевой компетенции (А, Б, В), а также типа текста. В/В в текстах обозначен знаком *В. О других особенностях орфографического представления материала САТ см. подробнее: [Русская спонтанная речь 2008].

Список литературы

Андреева С.В. Устная русская речь: принципы выделения и классификации единиц дискурса // Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века. Т. 2: Лингвистический анализ на грани методологического срыва / под ред. Д. Шумска, К. Озга. Краков: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2015. С. 313–326.

Богданова-Бегларян Н.В. ЧТО ЛИ в русской разговорной речи: функционально-семантические возможности прагматемы // ART SANAT. Special Issue of the International Virtual Forum – Istanbul 2016: Humanitarian Aspects in Geocultural Space. Стамбул: TÜBİTAK-ULAKBİM, 2016. С. 183-189.

Богданова-Бегларян Н.В. ВЗДОХ ГЛУБОКИЙ... (о функциях вздоха в спонтанном монологе) // ...Вперёд и вверх по лестнице звучащей: сб. статей к 80-летию Ольги Фёдоровны Кривновой / ред. Л.М. Захаров, И.М. Кобозева, А.Э. Костюк, Н.Д. Светозарова, Кс.П. Семёнова. М.: Букки Веди, 2023. С. 271–280.

Богданова-Бегларян Н.В., Бродт И.С. Русская спонтанная речь / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2021. 376 с.

Гостев П.П. Стратегии описания изображений: коммуникативный и когнитивный подходы // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 20–26.

Зайдес К.Д. Что еще можно сказать о метакоммуникативе *что ещё?* // Слово. Словарь. Словесность: Традиции и новации в русском языке (к 250-летию со дня рождения Н.М. Карамзина): матер. Всерос. науч. конф. СПб.: САГА, 2017. С. 127–132.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Ч. 1: Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013. 532 с.

Лантева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 518 с.

Мамушкина С.Ю. Коммуникативные функции междометия // Научен вектор на Балканите. 2020. № 2 С. 29–32.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисл. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.

Русская спонтанная речь: методическая разработка по современному русскому языку. Вып. 1: Свободные монологи-рассказы на заданную тему. Тексты / сост. В.В. Куканова; отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2008. 208 с.

Филиппова Н.С. Принципы построения устного описательного дискурса (на материале русской спонтанной речи): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. 223 с. (машинопись).

Bogdanova-Beglarian N., Baeva E. Nonverbal Elements in Everyday Russian Speech: an Attempt at Categorization // CMLS 2018 – Computational Models in Language and Speech. [Electronic resource]. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-2303> (date of access: 13.09.2024).

INHALE/SIGH AS A PARALINGUISTIC ELEMENT: FUNCTIONING IN THE SPEECH OF HEALTH CARE WORKERS

Valeria I. Mishina

Student, Department of Philology
Higher School of Economics – Saint Petersburg

This study examines inhale/sigh as a paralinguistic element in spoken language produced within various speech scenarios. Analysis of corpus data reveals that the functional tendencies of this nonverbal element depend on the communicative situation: it primarily serves navigational purposes in different types of retellings, while it predominantly facilitates reflection in spontaneous monologues on assigned topics. Additionally, the study proposes that inhale/sigh may be considered a personal characteristic and also formulates hypothesis that the speaker's level of language competence influences the use of this nonverbal element, with individuals professionally involved in language use tending to sigh less frequently.

Keywords: paralinguistic element; suprasegmental unit; spontaneous monologue; retelling; image description; level of speaker's language competence.